

А. В. ЛАВРОВ

О КНИГЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «СТИХОТВОРЕНИЯ» (1923)

Над подготовкой к печати итоговой книги стихотворений, призванной отразить все пройденные этапы поэтического пути, Андрей Белый работал в Берлине в сентябре—октябре 1922 г. «...Всегда пишу стихи в *мрачные периоды* жизни»,—признавался позднее Белый¹, и в данном случае подмеченная закономерность подтверждалась: в 1922 г. поэт переживал тяжелую личную драму (разрыв с первой женой), оборачивавшуюся приступами отчаяния и иступленного «самосожжения». Образ трагически мечущегося Белого в Берлине запечатлен многими мемуаристами—от М. Цветаевой и В. Шкловского до Н. Берберовой и В. Ходасевича,—однако немногие сумели распознать, что эта пора в жизни писателя была и временем чрезвычайно интенсивной творческой работы. Критик А. В. Бахрах свидетельствовал, что после «бессонных и почти безумных ночей» Белый «уже с утра, как ни в чем не бывало, усаживался за свой письменный стол и строчил, строчил, строчил своим характерным крупным почерком». Новое собрание стихотворений стало одним из результатов этого самозабвенного творчества.

Рукопись предназначалась для Издательства З. И. Гржебина². «Стихотворения» вышли в свет весной 1923 г. (экземпляр книги, подаренный Белым М. Горько-

му, датирован 11 мая 1923 г.)³. Книга осталась единственным реальным результатом сотрудничества писателя с Издательством З. И. Гржебина, хотя это сотрудничество поначалу обещало быть более результативным: предполагалось, что издательство предпримет выпуск в свет собрания сочинений Белого в 20-ти томах (договор был заключен в 1920 г. и расторгнут в 1921 г.)⁴; стихи в этом издании должны были занимать три тома: т. 3 — «Золото в лазури» (1-я книга стихов и отрывок из мистерии «Пришедший»), т. 4 — «Пепел», т. 5 — «Звезда над урной» (книги «Урна», «Королевна и рыцари», «Звезда», поэма «Христос воскрес») ⁵. Книга стихотворений, выпущенная Издательством З. И. Гржебина, — единственный свод поэтического наследия Андрея Белого, выпавший в свет при жизни автора.

В свое время, попав в поток книг Белого, в изобилии поступивших на книжный рынок в 1922—1923 гг. (издано их тогда было, почти одновременно, около двадцати!), «Стихотворения» прошли почти незамеченными; и до сих пор это издание оставалось на периферии внимания читателей и историков литературы. Сейчас, когда говорят о поэзии Белого, чаще всего имеют в виду его поэтические книги в том составе и в той композиции, которые были приняты в их первых изданиях, получивших по выходе в свет определенный общественный резонанс и прочно вошедших в историю русской поэзии первых десятилетий XX века: «Золото в лазури» (1904), «Пепел» (1909), «Урна» (1909) и т. д. «Стихотворения» 1923 г. состоят из частей, озаглавленных так же, как и ранее выпущенные поэтические сборники, но содержание книги отнюдь не представляет собой арифметическую сумму этих сборников. Из «старого» стихотворного материала сформирована принципиально новая книга, осуществляющая новую поэтическую идею, отражающая новый этап творческой эволюции автора, а составляющие эту книгу стихотворения порой оказывается трудно идентифицировать с их «первоисточниками», настолько новые версии текста отличаются от прежних. «Стихотворения» 1923 г. не отменяют более ранних поэтических книг Белого (хотя сам автор, неоднократно перерабатывая свои стихи, всякий раз предлагал считаться только с новым, последним по времени поэтическим сводом), однако знакомства с первыми изданиями этих книг явно недостаточно для того, чтобы составить по необходимости полное и адекватное представление о сти-

хотворном наследии Андрея Белого и о характере его творческой эволюции.

Книга—главная категория в поэтической культуре русского символизма. Репутации представителей этой литературной школы складывались, изменялись, возрастали и ставились под сомнение в прямой зависимости от того, какую судьбу в восприятии современников претерпевал очередной сборник стихотворений того или иного автора, претендовавший, как правило, на внутреннюю художественную цельность и структурную организованность. В этом отношении как общий манифест направления прозвучало предисловие В. Брюсова к его книге «Urbi et orbi» (1903): в нем были теоретически осмыслены и обоснованы те требования, которым, по убеждению «мэтра» русского символизма, должно отвечать современное собрание стихотворений одного поэта, представляющее прежде всего личность автора в ее законченном и разностороннем выражении. «Книга стихов,—писал Брюсов,—должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы до последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов—не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно»⁶. Брюсов со всей четкостью и с предельным лаконизмом высказал те несколько основоположений, которые станут общим правилом: в 1900—1910-е гг. едва ли не все поэты, оставившие след в истории литературы или даже совсем неприметные, стремились строить свои стихотворные книги как продуманное во внутренних соответствиях единство текстов, а нередко и как связное лирическое повествование⁷. Для Андрея Белого представление о поэтической книге как о внутренне замкнутом целом, реализующем определенный лирический сюжет, было аксиоматичным.

В ряде случаев книги стихотворений символистов, будучи опубликованными впервые в определенном составе и композиции, при последующих переизданиях своего облика не меняли. Наиболее характерный пример в этом отношении—сборники К. Д. Бальмонта: изменения, вносившиеся поэтом в текст его книг, были единичными и

незначительными. Для Бальмонта в этом была программная позиция. «Лирика по существу своему,— утверждал он,— не терпит переделок и не допускает вариантов. Разночтения лирического чувства или же лирически выраженной мысли ищут и должны искать у понимающего себя поэта нового и нового выражения— в виде написания новых, родственных стихотворений, а никак не в кощунственном посягновении на раз пережитое <...>»⁸. Но большей частью наблюдалась другая картина: поэтические книги менялись от издания к изданию— иногда сохраняя определяющие черты своей внутренней структуры (например, у Брюсова изменения в новых изданиях прежних книг осуществлялись преимущественно в направлении расширения их состава за счет стихотворений, ранее в соответствующие сборники не попадавших), а иногда и вовсе отрицая прежние композиции; так, Федор Сологуб, готовя собрание своих сочинений, полностью расформировал ранее изданные восемь стихотворных книг (в том числе и самую знаменитую из них— «Пламенный круг») и скомпоновал тексты заново в тома с новыми заглавиями («Лазурные горы», «Восхождения», «Змеиные очи»). Сопоставление прижизненных изданий стихотворных книг А. Блока позволяет установить несколько последовательных стадий в авторской работе по формированию внутренней структуры своих сборников, каждая из которых по-разному, в различных тематико-стилевых тональностях, выявляла черты единого поэтического универсума. Первая стадия— формирование четырех сборников: «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), «Нечаянная Радость» (1907), «Земля в снегу» (1908), «Ночные часы» (1911),— внутренняя структура которых почти ни в чем не совпадает со структурой «канонического» свода лирики Блока. Вторая стадия— трехтомное «Собрание стихотворений», выпущенное издательством «Мусагет» в 1911—1912 гг., издание, в котором уже был реализован общий конструктивный принцип— идея трех этапов поэтического пути, отраженных в трех частях поэтического целого, но с распределением соответствий в «каноническом» своде. Третья стадия— второе «мусагетское» издание «Стихотворений» в трех книгах (1916): стихи в нем были размещены по разделам, с которыми по сей день обычно имеет дело читатель, но отобраны тексты были с большей строгостью и избира-

тельностью, чем при подготовке следующего издания, трехтомного собрания «Стихотворений» для издательства «Земля» (1918) и, следом за ним, для издательства «Алконост»; только на этой — четвертой — стадии работы, незадолго до смерти поэта, окончательно определились состав и композиция блоковского трехтомного «романа в стихах», «трилогии вочеловечения».

В творческом пути Блока и Андрея Белого прослежено немало совпадений, параллелей и соответствий; наличие они и в характере работы поэтов над переизданиями своих стихотворений, в стремлении сформировать весь корпус текстов таким образом, чтобы он служил воплощением определенной поэтической концепции, с годами эволюционирующей, по-новому раскрывающейся в сознании автора. В этом отношении отличие, и весьма существенное, Белого от Блока лишь в том, что он предавался работе над переделкой своих книг и конкретных стихотворений с самозабвенной безудержностью, причем с годами его переделки приобретали все более конструктивный (и одновременно разрушительный) характер — до такой степени, что в последней подготовленной им книге стихов «Зовы времен» (1931), представляющей собой в основном переработку ранних стихотворений, новые варианты зачастую не имеют с прежними текстами фактически ничего общего. Если творческие установки Бальмонта, настаивающего на стабильности текста стихотворений и состава поэтических книг, считать за одну крайность, то противоположной крайностью окажутся непрерывные эксперименты Белого по созданию из «старого» материала новых поэтических композиций; однако и в данном случае крайности по своему сходятся — и опыты Белого на свой лад удовлетворяют требованиям Бальмонта: ведь «разнотения лирического чувства» у него нередко выражаются, действительно, «в виде написания новых, родственных стихотворений», какими стали, например, «Зовы времен» по отношению к своему «прототипу» — «Золоту в лазури».

Подобные усилия Белого и результаты его труда редко встречались с сочувствием. Характерна курьезная полусутошная затея: Вл. Пяст и близкие ему молодые поэты «собирались учредить Общество Защиты Творений Андрея Белого от жестокого его с ними обращения»⁹. Поэты считали, что Белый, переписывая свои произведения заново, их безнадежно портил, и в такой предрасполо-

женности — безотносительно к тому, правы или неправы они были в своих конкретных наблюдениях и предпочтениях, — неизбежно сказывалась известная косность читательского восприятия, ревностно оберегающего те ценности, которые прочно вошли в его внутренний мир. Для Белого же «Золото в лазури», «Пепел», другие поэтические сборники, оставаясь неотторжимой частью его творческой индивидуальности, развивались вместе с нею и после того, как они стали общественным достоянием. Читатели воспринимали книги стихотворений Белого в их явленной цельности и идейно-эстетической определенности — самому же Белому они раскрывались как лишь одна из возможных форм поэтического самовыражения и как стимул к изысканию и обнаружению других форм. Сборники «Пепел» и «Урна» в свое время были составлены из стихотворений, писавшихся одновременно и отразивших во многом сходные поэтические настроения; эти стихи в принципе могли образовать одну большую книгу, могли при формировании двух книг быть распределены иначе; и в «Стихотворениях» (1923) Белый размещает их по-новому: в итоге возникают другой «Пепел» и другая «Урна». Свою поэтическую эволюцию Белый с годами все отчетливее осознает как процесс, не вполне адекватно отраженный в материале вышедших в минувшую пору стихотворных книг. Например, оглядываясь назад, он видит, что по разным сборникам у него оказались размещены стихи, отличающиеся единством настроения и изобразительных средств: «...в ряде стихов, хотя и отлетевших в „Пепел“, по воздуху и краскам — „Золото в лазури“, как то: „Поповна“, „Только лен провеваает атласом“. <...> С другой стороны: „Пепел“ в теме „Пепла“ („Исчезни в пространство, исчезни“) уже врывается остро в мою жизнь с весны 1904 года; и моментами остро ранит. Так: в марте 1904 пишется „Безумец“. <...> А в апреле, недели через 3, пишутся строки:

Я понял все. Мне все равно.

Я не боюсь. Мой разум ясен.

Расстояние — 3 недели; но „Безумец“ в „Золоте в лазури“, а приведенные строки — в „Пепле“. С 1904 года „Пепел“ еще — „пред-пепелит“, а чистая лазурь, так сказать, — „после-лазури“¹⁰. При создании новых версий своих поэтических книг Белый стремился и к тому, чтобы «предпепельные» стихотворения влились в «Пепел», а

«послелазурные» пополнили «Золото в лазури»; с подобным перераспределением мы встречаемся и в «Стихотворениях» 1923 г.

Как и у Блока, у Белого работа по переделке и переоформлению корпуса своего стихотворного наследия имела несколько завершенных стадий, но не все они стали известны читателю. В частности, поэтическому своду 1923 г. предшествовал более ранний, сохранившийся в рукописи, свод — «Собрание стихотворений» Белого, предназначенное для издательства «Сирин» (не вышло в свет из-за ликвидации издательства в связи с мировой войной). Поэт подготовил его в Швейцарии в мае — июле 1914 г. Издание предполагалось осуществить в двух томах (из второго тома Белый затем выделил третий том, озаглавив его: «Зовы»). Рукопись этого стихотворного свода¹¹ свидетельствует, что уже в 1914 г. Белый отказался от внутренней структуры ранее изданных поэтических книг («Золото в лазури», «Пепел», «Урна»). Возможно, имея за образец 1-й том «мусagetского» «Собрания стихотворений» Блока («Стихи о Прекрасной Даме», 1911), в котором тексты были расположены в хронологической последовательности и объединены в разделы, обозначенные годами («1898», «1899», «1900» и т. д.), Белый избрал основополагающим принципом хронологию (выделив, однако, внутри некоторых хронологических периодов тематические разделы): том 1-й имеет разделы «1901 год», «1902 год», «1903 год» (с подразделами «Прежде и теперь» и «Золото в лазури»), «1904 год», «1905 год»; том 2-й — разделы «1906 год», «1907 год» (с подразделами «В полях» и «Тристии»); том 3-й («Зовы») — разделы «1908 год» (с подразделами «Москва и подмосковное» и «Раздумья»), «1909 год», «1910—1911», «1913—1914»¹². Предпочтение такого объективного критерия, как хронология, Белый счел нужным специально обосновать в предисловии к изданию: «...автор мог руководствоваться двумя мотивами напечатания или распределения. Во-первых: он мог руководствоваться принципом распределения по отделам, объединенным той или иной руководящей темой. Такое распределение имеет смысл в пределах одного сборника. Подбирать же стихотворения по темам и вытягивать тему на протяжении 14 лет в „Собрании стихотворений“ не имеет смысла. Автор поэтому расположил свои стихотворения в хронологическом порядке <...>. Хронологический порядок предпола-

гает не столько эстетический критерий, сколько историко-литературный. Видна эволюция тем, интересующих автора»¹³.

Отбор текстов для «сиринского» издания был менее строгим, чем позднее для «Стихотворений» 1923 г. Белый специально оговаривал, что при составлении он руководствовался не художественными достоинствами стихов и поэтому «оставил много формально слабых стихотворений в том виде, в каком они первоначально вошли в три сборника автора»: «Так 1/2 отдела „Золото в лазури“ и все стихотворения 1900—1902 (за немногими исключениями) автор бы изъял; но тогда определенная полоса поэтического развития автора не нашла бы себе места в таком „Избранном“ собрании стихотворений»¹⁴. Однако «объективному» представлению о характере поэтической эволюции, которое стремился в данном случае воссоздать Белый, в известной степени противоречил тот факт, что значительное число стихотворений вошло в макет издания в кардинально переработанном виде. В предисловии Белый пояснял, что исправления требовались для того, чтобы устранить «кричащие несовершенства техники», но принятая работа очень часто влекла от частных поправок к созданию заведомо новых редакций текста. С наибольшим рвением Белый перерабатывал книгу «Золото в лазури», стремясь устранить обильные следы юношеской незрелой версификации. Правкой стихов «Золота в лазури» Белый занимался также в конце 1916—начале 1917 г., когда готовил эту книгу к переизданию для московского издателя В. В. Пашуканиса (книга в свет не вышла и рукопись пропала)¹⁵, и в 1920 г. для несостоявшегося собрания сочинений в Издательстве З. И. Гржебина, упомянутого выше.

При формировании книги «Стихотворения» (1923) установки Белого были уже существенно иными, нежели при подготовке «сиринского» издания. В новой книге, задуманной, в отличие от прежнего свода, как «собрание избранных стихотворений» («Вместо предисловия», с. 5), Белый стремился к сочетанию хронологического и тематического принципов с явным предпочтением последнего; над стремлением выпукло представить пройденные этапы поэтического пути преобладала задача создания цельной «лирической поэмы» (там же, с. 7). Многие редакции стихотворений перешли в новую книгу из макета «сиринского»

собрания, но части и разделы, по которым в ней были распределены тексты, не имели с прежней хронологической композицией ничего общего, хотя в целом и отражали важнейшие стадии в духовном и идейно-эстетическом развитии поэта. Хронология в данном случае подчинялась идее построения внехронологического лирического сюжета, только отчасти совпадающего с реальной поэтической эволюцией автора, отраженной в «линейной» последовательности вышедших в свет стихотворных сборников. При этом лишь три части по составу, композиции и фактуре текстов имели полные (или почти полные) соответствия с ранее изданными книгами Белого — поэма «Христос воскрес», вошедшая в книгу без значимых изменений, «Королевна и рыцари» — воспроизведение позднего сборника 1919 г., составленного из более ранних стихов (в основном 1909—1911 гг.), и «Звезда», с небольшими видоизменениями повторяющая одноименный, также недавний, сборник 1922 г., включающий стихи периода духовного «ученичества» (с 1912 г. жизнь Белого протекала под направляющим воздействием антропософии — религиозно-философского учения Р. Штейнера). Остальные четыре части — примерно три четверти объема книги — это впервые появившиеся, по всем компонентам новые поэтические единства.

В соответствии с принципом «избранности» был проведен отбор стихотворений: из «Золота в лазури» (1904) в книгу не попало около половины текстов, из «Пепла» (1909) — около трети, из «Урны» (1909) — около пятой части, из «После разлуки» (1922) — примерно половина стихотворений. При этом значительная часть стихов, вошедших в собрание, имеет больше различий со своими «первоисточниками», чем сходства. Все заглавия внутренних разделов в трех первых частях «Стихотворений» — новые, композиционная последовательность текстов внутри каждого раздела также не имеет ничего общего с их расположением в первых изданиях «Золота в лазури», «Пепла» и «Урны», хотя некоторые образно-тематические соответствия между старыми и новыми опытами циклизации и наблюдаются.

Так, первая часть нового собрания, озаглавленная «Золото в лазури» и составленная почти целиком из текстов, ранее опубликованных в одноименной книге (в значительной части в кардинально переработанном виде), а

также в «Пепле», имеет три раздела: «В полях», «В горах», «Не тот». Первые два раздела, по духовной устремленности и эмоциональной тональности входящих в них стихотворений, во многом родственны (хотя и отнюдь не повторяют их) двум разделам первой книги («Золото в лазури» и «Образы»), в которых, говоря словами Н. Петровской из ее рецензии на «Стихотворения» 1923 г., со всей полнотой выразил себя поэт, «страстный до безволия и гениальный до болезни, влекомый нечеловеческими, далекими естеству земному образами, заговоривший о «чуде» — о несказанном»¹⁶. Третий раздел «нового» «Золота в лазури» — «Не тот» — обнаруживает аналогии с заключительным разделом «старой» одноименной книги («Багряница в терниях»): в нем доминируют те же настроения разуверения в скором воплощении мистических предначертаний и в собственной пророческой миссии (мотивы «лжепророчества», «безумства» и т. п.). Следующая часть книги («Пепел») состоит из двух разделов: первый из них — «Глухая Россия» — аккумулирует тексты, отражающие ведущую тему прежнего «Пепла», — своеобразное «народничество», преломленное в образах страдающей родины и страдающего «человека-брата»¹⁷; второй раздел — «Прежде и теперь» — объединяет стихи-«ретроспекции» из одноименного раздела «старого» «Золота в лазури» со стихотворениями (преимущественно иронического звучания) из прежних «Пепла» и «Урны». В «новый» «Пепел» (в отличие от первого издания книги) вошли в основном стихи, имеющие ярко выраженное общественное звучание и «сверхличный» характер; стихи тех же лет с преобладанием камерных переживаний и автобиографических мотивов собраны в третьей, наиболее объемной части нового собрания — «Урне», вобравшей в себя большинство текстов из «старой» «Урны», а также значительную часть «старого» «Пепла».

Переработка ранее опубликованных произведений при подготовке «Стихотворений» 1923 г. включала в себя два основных приема, которые нередко сочетались на материале одного текста. Первый — замена прежнего стихотворения новой его версией: сокращение или распространение текста, исправление или переработка отдельных строк, строф, зачастую всего текстового объема, изменения в строфическом рисунке (направленные, как правило, к замене традиционной твердой строфики на вольную) — при

сохранении прежней внутренней композиционной структуры. Второй прием—создание новых художественных единств по монтажному принципу. Эта особенность, отличающая общую композицию стихотворного собрания, характеризует и работу автора над конкретными текстами, входящими в новообразованные разделы. Сплошь и рядом Белый делит ранее цельные стихотворения на два или даже на три самостоятельных (например, из стихотворения «Я это знал» образовано два новых—«Серебряная дева» и «Снежная дева»), превращает два или несколько прежних стихотворений или их частей в одно новое (например, 8-я часть поэмы «Мертвец» сформирована из переработанных стихотворений «Память» и «Приходи»), образует новые самостоятельные тексты из отдельных строф, изъятых из ранее цельных стихотворений и расположенных в новом порядке. С особой наглядностью этот принцип сказывается при формировании новых лирических поэм, представляющих собой монтаж ранее самостоятельных стихотворений или их частей. В одних случаях эти поэмы ориентированы на прежние циклические образования (поэма «Деревня» в своей основной сюжетной канве восходит к одноименному разделу в «Пепле» 1909 г., поэма «Железная дорога»—к группе «железнодорожных» стихотворений в начале раздела «Россия» той же книги), в других—являют заведомо новые художественные единства (поэма «Бродяга», сочетающая «каторжную» тему в «Пепле» с другими лирическими мотивами).

Самым решительным и наглядным образом эти монтажные приемы продемонстрированы в цикле «Искуситель», в котором стихотворения из прежней «Урны» перемежаются фрагментами из позднейшей (1921) поэмы «Первое свидание» (ликвидацию единого текста этой поэмы, являющейся, по общепризнанному мнению, одной из вершин поэтического творчества Белого, можно считать, пожалуй, наибольшей и ничем не компенсированной издержкой автора при создании нового свода). Из сочетания разнородных и разновременных текстов рождается новый поэтический сюжет «Искусителя»: например, 5-я часть цикла представляет собой первую половину прежнего стихотворения «Мой друг» (описывающего встречи лирического героя с «марбургским философом»), заканчивающаяся строками: «Новодевичий монастырь // Блистает ясными крестами»; 6-я часть—фрагмент из «Первого свидания».

ния», начинающийся описанием Новодевичьего монастыря («Огромный розовый собор...»); 7-я часть — вторая половина «Моего друга»: герой и «марбургский философ» в Новодевичьем монастыре; 8-я часть — снова фрагмент из «Первого свидания», опять же продолжающий «монастырскую» линию, и т. д. Стихи из «Первого свидания» тем самым приобретают новую окраску: тема поэмы в ее изначальном, полном виде — ретроспекция «эпохи зорь», светлых юношеских переживаний; фрагменты же поэмы, включенные в новую композицию, служат воссозданию другого периода духовной эволюции Белого — эпохи горького разуверения и кантианского «искусительства».

Пренебрегая реальной последовательностью творческого пути, Белый следом за разделом «Урна» помещает поэму «Христос воскрес» (1918) — аналог блоковских «Двенадцати», вдохновенный отклик на события Октябрьской революции. Видимо, поэт считал необходимым непосредственно после поэмы «Мертвец», выдержанной в резко пессимистической тональности, дать ей эмоциональный противовес и реализовать тему воскресения, преломленную в плане личной судьбы, и на монтажном уровне. Расположение поэмы «Христос воскрес» в середине книги — единственное резкое нарушение хронологического ряда; в заключительных частях книги реальная жизненная хронология восстанавливается. Последовательно расположены «Королева и рыцари» — небольшой цикл, знаменующий эпоху «второй зари» в духовной биографии Белого на рубеже 1900—1910-х гг., пришедшей на смену мрачным и трагическим настроениям «Пепла» и «Урны»; «Звезда» — сборник, оразивший обретение поэтом нового идеала в антропософии; «После звезды» — заключительный раздел, отвечающий подчеркнутой дисгармонией и трагической экзальтацией на лад, строй и пафос «Звезды». Белый не боится завершить всю книгу на ноте отчаяния, ибо она отвечала основной тональности его переживаний в пору создания стихотворного свода.

Раздел «После звезды» восходит к книге «После разлуки», подготовленной к печати лишь несколькими месяцами ранее, в мае — июне 1922 г., — и уже существенно отличается от нее. Поэтому было бы неверно всю деятельность Белого по переработке своих стихотворений объяснять только значительной дистанцией времени, отделяющей новый этап работы от более раннего; здесь мы

имеем дело скорее всего с общими особенностями психологии творческого процесса автора. Белый являл собой своего рода гераклитовский тип художественной личности, реализующейся в непрекращающемся процессе изменения и возникновения; он фатально не мог войти дважды в одну и ту же творческую стихию, и даже если собирался лишь повторить (пересмотрев и немного усовершенствовав) однажды созданное, на деле это стремление означало — пересоздать. Уже в 1925 г. Белый подготовил план очередного стихотворного собрания, и хотя «скелет тома» замышлялся таким же, как в «гржебинском» издании 1923 г., в проекте уже были намечены видоизменения (в частности, восстанавливалась в полном объеме поэма «Первое свидание») ¹⁸. Четыре версии текста имеет книга «Пепел» (не учитывая соответствующих разделов в собраниях стихотворений) — две изданных (1909 и 1929 гг.) и две неизданных (1921 и 1925 гг.). Над новым двухтомным собранием стихотворений Белый работал в начале 1930-х гг. — и опять же встречаемся с новыми редакциями текстов, новыми заглавиями, новым составом, новой композицией. В этом потоке «творимого творчества» книга «Стихотворения» 1923 г. представляет собой одно из наиболее значимых явлений, как этапный и по-своему итоговый опыт поэтического самовыражения одного из крупнейших мастеров слова в русской литературе начала XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 12 марта 1931 г. // ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 22.
- 2 Общие сведения о нем см.: Хлебников Л. М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971. С. 668—703 (Лит. наследство. Т. 80).
- 3 Личная библиотека А. М. Горького в Москве: Описание: В 2 кн. М., 1981. Кн. 1. С. 145.
- 4 Об истории этого несостоявшегося предприятия см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 65—69.
- 5 Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Лит. наследство. 1937. Т. 27—28. С. 576.
- 6 Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 604—605.
- 7 Ср.: Долгополов Л. К. Александр Блок: Личность и творчество. 2-е изд. Л., 1980. С. 118—119.

- 8 Бальмонт К. Забывший себя // Утро России. 1913. 29 июня.
- 9 Пяст Вл. Встречи. М., 1927. С. 154—155.
- 10 Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. // ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 18.
- 11 ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 1, 3, 4.
- 12 Содержание макета этого несостоявшегося издания приведено в кн.: Белый А. Стихотворения. Т. 3. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad. Munchen, 1982. С. 454—460.
- 13 Там же. С. 420.
- 14 Там же. Аналогичным образом А. Блок обосновал в предисловии к «мусажетскому» «Собранию стихотворений» (1911) включение в книгу «полудетских или слабых по форме стихотворений»: «многие из них, взятые отдельно, не имеют цены», но важны для полноты картины художественного целого, посвященного «одному кругу чувств и мыслей» (Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 559).
- 15 См.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого. С. 583—584.
- 16 Накануне. Берлин, 1923. 1 ноября.
- 17 Из рецензии на «Пепел» Вяч. Иванова (Крит. обозрение. 1909. № 2. С. 47).
- 18 См.: Белый А. Стихотворения. Т. 3. С. 477—478.